

П Р И К А З ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

1 мая 1943 г.

№ 195

г. Москва

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки, рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки, люди интеллигентного труда! Братья и сестры, временно попавшие под иго немецких угнетателей!

От имени Советского Правительства и нашей большевистской Партии приветствую и поздравляю вас с днем 1 Мая!

В суровые дни Отечественной войны встречают народы нашей страны день 1 Мая. Они верили свою судьбу Красной Армии и не ошиблись в своих надеждах. Советские воины грудью встали на защиту Родины и вот уже почти два года отстаивают честь и независимость народов Советского Союза.

За период зимней кампании 1942/43 г.г. Красная Армия нанесла серьезные поражения гитлеровским войскам, уничтожила огромное количество живой силы и техники врага, окружила и ликвидировала две армии врага под Сталинградом, забрала в плен свыше 300 тысяч вражеских солдат и офицеров и освободила от немецкого ига сотни советских городов и тысячи сел.

Зимняя кампания показала, что наступательная сила Красной Армии возросла. Наши войска не только выжили немцев с территории, захваченной ими летом 1942 года, но и заняли ряд городов и районов, находившихся в руках врага около полутора лет. Немцам оказалось не под силу предотвратить наступление Красной Армии.

Даже для контрнаступления на узком участке фронта в районе Харькова гитлеровское командование оказалось вынужденным перебросить более трех десятков новых дивизий из Западной Европы. Немцы рассчитывали окружить советские войска в районе Харькова и устроить нашим войскам «немецкий Сталинград». Однако попытка гитлеровского командования взять реванш за Сталинград провалилась.

Одновременно с этим победоносные войска наших союзников разбили итало-германские войска в районе Ливии и Триполитании, очистили эти районы от врагов и теперь продолжают их громить в районе Туниса, а доблестная англо-американская авиация наносит сокрушительные удары военно-промышленным центрам Германии, Италии, предвещая образование второго фронта в Европе против итало-немецких фашистов.

Таким образом, удар по врагу с востока, со стороны Красной Армии впервые за время войны слился с ударом с запада, со стороны войск наших союзников — в единый общий удар.

Все эти обстоятельства, взятые вместе, потрясли до основания гитлеровскую военную машину, изменили ход мировой войны и создали необходимые предпосылки для победы над гитлеровской Германией.

В результате враг оказался вынужденным признать серьезное ухудшение своего положения и стал вопить о военном кризисе. Правда, враг старается прикрыть свое критическое положение шумихой о «тотальной» мобилизации. Но никакая шумиха не может отменить того факта, что лагерь фашистов действительно переживает серьезный кризис.

Кризис в лагере фашистов выражается, прежде всего, в том, что враг оказался вынужденным открыто отказаться от своей первоначальной установки на молниеносную войну. В лагере врагов теперь уже не в моде говорить о молниеносной войне, — крикливая болтовня о молниеносной войне сменялась унылыми причитаниями о неизбежности затяжной войны. Если раньше немецко-фашистское командование хвастало тактикой молниеносного наступления, то теперь эта тактика отброшена прочь, и немецкие фашисты хвастаются уже не тем, что они провели или намерены провести молниеносное наступление, а тем, что им удалось ловко улизнуть из-под охватывающего удара английских войск в Северной Африке или из окружения со стороны советских войск в районе Демянска. Фашистская печать пестрит хвастливыми сообщениями о том, что немецким войскам удалось ударить с фронта и избежать нового Сталинграда на том или ином участке Восточного или Тунисского фронта. Повидимому, больше нечем хвастать гитлеровским стратегам.

Кризис в лагере фашистов выражается, во-вторых, в том, что фашисты начинают все чаще поговаривать о мире. Если судить по сообщениям иностранной печати, можно прийти к выводу, что немцы хотели бы получить мир с Англией и США при условии их отхода от Советского Союза, или, наоборот, они хотели бы получить мир с Советским Союзом при условии его отхода от Англии и США. Будучи сами до мозга костей вероломными, немецкие империалисты имеют наглость мерить союзников на свой аршин, полагая, что кто-либо из союзников попадет на удочку. Ясно, что не от хорошей жизни болтают немцы о мире. Болтовня о мире в лагере фашистов говорит лишь о том, что они переживают тяжелый кризис. Но о каком мире может быть речь с империалистическими разбойниками из немецко-фашистского лагеря, залившими кровью Европу и покрывшими ее виселицами? Разве не ясно, что только полный разгром гитлеровских армий и безоговорочная капитуляция гитлеровской Германии могут привести Европу к миру? Не потому ли болтают немцы о мире, что они чувствуют приближение грядущей катастрофы?

Немецко-итальянский фашистский лагерь переживает тяжелый кризис и стоит перед своей катастрофой.

Это еще не значит, конечно, что катастрофа гитлеровской Германии уже наступила. Нет, не значит. Гитлеровская Германия и ее армия потрясены и переживают кризис, но они еще не разбиты. Было бы наивно думать, что катастрофа придет сама, в порядке самоката. Нужны еще два-три таких мощных удара с запада и востока, какой был нанесен гитлеровской армии последние 5—6 месяцев, для того, чтобы катастрофа гитлеровской Германии стала фактом.

Поэтому народам Советского Союза и их Красной Армии, равно как нашим союзникам и их армиям предстоит еще суровая и тяжелая борьба за полную победу над гитлеровскими извергами. Эта борьба потребует от них больших жертв, огромной выдержки, железной стойкости. Они должны мобилизовать все свои силы и возможности для того, чтобы разбить врага и проложить таким образом путь к миру.

Товарищи! Советский народ проявляет величайшую заботу о своей Красной Армии. Он готов отдать все силы дальнейшему усилению военной мощи советской страны. Менее, чем за 4 месяца, народы Советского Союза внесли в фонд Красной Армии более 7 миллиардов рублей. Это еще раз показывает, что война против немцев является действительно общенародной войной всех народов, населяющих Советский Союз. Рабочие, колхозники, интеллигенция, не покладая рук, стойко и мужественно переносят лишения, вызванные войной, трудятся на предприятиях и в учреждениях, на транспорте, в колхозах и совхозах. Но война против немецко-фашистских захватчиков требует, чтобы Красная Армия получала еще больше орудий, танков, самолетов, пулеметов, автоматов, минометов, боеприпасов, снаряжения, продовольствия. Значит необходимо, чтобы рабочие, колхозники, вся советская интеллигенция работали для фронта с удвоенной энергией.

Нужно, чтобы все наши люди и все учреждения в тылу работали слаженно и четко, как хороший часовой механизм. Вспомним завет великого Ленина: «РАЗ ВОЙНА ОКАЗАЛАСЬ НЕИЗБЕЖНОЙ — ВСЁ ДЛЯ ВОЙНЫ, И МАЛЕЙШАЯ РАСПУЩЕННОСТЬ И НЕДОСТАТОК ЭНЕРГИИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ КАРАЕМЫ ПО ЗАКОНУ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ».

В ответ на доверие и заботу своего народа Красная Армия должна еще крепче бить врага, беспощадно истреблять немецких захватчиков, непрестанно гнать их с советской земли. Красная Армия за время войны приобрела богатый военный опыт. Сотни тысяч бойцов в совершенстве овладели своим оружием. Многие командиры научились умело управлять войсками на поле боя. Но успокаиваться на этом было бы неразумно. Бойцы должны научиться хорошо владеть своим оружием, командиры должны стать мастерами ведения боя. Но и этого мало. В военном деле, а тем более в такой войне, как современная война, нельзя стоять на месте. Остановиться в военном деле — значит отстать. А отсталых, как известно, бьют. Поэтому главное сейчас состоит в том, чтобы ВСЯ Красная Армия изо дня в день совершенствовала свою боевую выучку, чтобы ВСЕ командиры и бойцы Красной Армии изучали опыт войны, учились воевать так, как этого требует дело победы.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки!

Приветствую и поздравляю вас с днем 1 Мая,

П Р И К А З Ы В А Ю:

1. Всем бойцам — пехотинцам, минометчикам, артиллеристам, танкистам, летчикам, саперам, связистам, кавалеристам — продолжать без устали совершенствовать свое боевое мастерство, точно выполнять приказы командиров, требовать уставов и наставлений, свято блюсти дисциплину, соблюдать организованность и порядок.

2. Командирам всех родов войск и общевойсковым командирам — стать мастерами вождения войск, умело организовывать взаимодействие всех родов войск и управлять ими в бою. Изучать противника, улучшать разведку — глаза и уши армии, помнить, что без этого нельзя бить врага наверняка. Повысить культуру работы войсковых штабов, добиться того, чтобы штабы частей и соединений Красной Армии стали образцовыми органами управления войсками. Поднять работу войсковых тылов на уровень требований, предъявляемых современной войной, твердо помнить, что от полного и своевременного снабжения войск боеприпасами, снаряжением, продовольствием зависит исход боевых операций.

3. Всей Красной Армии — закрепить и развить успехи зимних боев, не отдавать врагу ни одной пяди нашей земли, быть готовой к решающим сражениям с немецко-фашистскими захватчиками. В обороне проявлять упорство и стойкость, священные бойцам нашей армии. В наступлении — решительность, правильное взаимодействие войск, смелый маневр на поле боя, завершаемый окружением и уничтожением противника.

4. Партизанам и партизанкам — наносить мощные удары по вражеским тылам, путям сообщения, воинским складам, штабам и предприятиям, разрушать линии связи противника. Вовлекать широкие слои советского населения в захваченных врагом районах в активную освободительную борьбу, спасая тем самым советских граждан от уюта в немецком рабстве и от истребления гитлеровскими зверями. Мстить беспощадно немецким захватчикам за кровь и слезы наших жен и детей, матерей и отцов, братьев и сестер. Всеми силами помогать Красной Армии в ее борьбе с подлыми гитлеровскими поработителями.

Товарищи!

Враг уже извлек силу сокрушительных ударов наших войск. Ближайшее время, когда Красная Армия совместно с армиями наших союзников сломает хребет фашистскому зверю.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАША СЛАВНАЯ РОДИНА!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАША ДОБЛЕСТНАЯ КРАСНАЯ АРМИЯ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАШ ДОБЛЕСТНЫЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ!

ДА ЗДРАВСТВУЮТ НАШИ ОТВАЖНЫЕ ПАРТИЗАНЫ И ПАРТИЗАНКИ!

СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ЗАХВАТЧИКАМ!

Да здравствует 1-е Мая — день смотра боевых сил трудящихся! Трудящиеся всех стран, соединяйтесь для борьбы против немецко-фашистских захватчиков!

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

УТРЕННЕЕ СООБЩЕНИЕ 30 АПРЕЛЯ

В течение ночи на 30 апреля на фронтах существенных изменений не произошло.

На Западном фронте происходила редкая артиллерийско-минометная перестрелка с противником. На одном участке разведывательный отряд немцев пытался проникнуть в расположение наших частей. Находясь в боевом охранении бойцы во главе с лейтенантом Жуковым подпустили немцев на близкое расстояние и забросали их гранатами. Противник понес потери и в беспорядке отступил.

Южнее гор. Белого наши артиллеристы, а также разведывательные группы и снайперы истребили до роты немецких солдат. Разрушено 14 дзотов и блиндажей, подавлен огонь 5 артиллерийских и 2 минометных батарей противника. Советские зенитчики сбили 2 немецких самолета.

На Северо-Западном фронте артиллеристы Н-ской части совершили огневой налет на скопление немецкой пехоты и нанесли противнику серьезные потери. Снайпер гвардии лейтенант Николай Вознов за время войны истребил 160 гитлеровцев. Его ученик Т. Шипилов уничтожил свыше 100 немецких солдат и офицеров.

В течение 30 апреля на фронтах существенных изменений не произошло. Наш корабль в Черном море потопил немецкий транспорт.

29 апреля частями нашей авиации на различных участках фронта уничтожено или повреждено не менее 5 немецких танков, до 30 автомашин с войсками и грузами, взорвано 3 склада боеприпасов, подавлен огонь 15 артиллерийских батарей противника.

На Кубани части Н-ского соединения овладели несколькими опорными пунктами противника. Советская авиация поддерживала действия наземных частей и нанесла противнику тяжелые потери. Наши штурмовики уничтожили несколько десятков орудий и свыше батальона немецкой пехоты.

На Западном фронте наши части вели разведку противника. Группа бойцов под командованием лейтенанта Абрамченко проникла на передний край вражеской обороны и атаковала гитлеровцев. Гранатами и огнем из автоматов разведчики уничтожили несколько десятков немецких солдат. Захватив пленного, наши бойцы вернулись в свою часть. Снайперы Н-ской части гг. Бобков и Мурашкин уничтожили по 5 немецких солдат, снайперы гг. Козлов, Крылов, Ахметшин истребили 12 гитлеровцев.

Южнее Балаклеи пехота противника пыталась бросить разведать систему нашей обо-

Западнее Ростова на Дону наши артиллеристы уничтожили 7 немецких дзотов и блиндажей, 3 автомашины и 9 повозок с боеприпасами, рассеяли и частью уничтожили до роты пехоты противника.

Партизанский отряд «За родину», действующий в одном из районов Орловской области, 22 апреля взорвал железнодорожный путь. Когда немецкий эшелон с солдатами остановился у разрушенного полотна, партизаны открыли по вагонам сосредоточенный огонь из пулеметов и винтовок. Уничтожено много немецких солдат и офицеров. В ночь на 25 апреля партизанский отряд «За власть Советов» напал на гарнизон противника и уничтожил более 100 гитлеровцев. Советские патриоты сложили склад боеприпасов, уничтожили 2 орудия, миномет, 5 танковых пулеметов и 15 автомашин. Захвачены трофеи: 2 миномета, 4 пулемета, 400 мин, 15 тысяч патронов и разное военное имущество.

Добровольно сдавшийся в плен солдат 258 гола 112 немецкой пехотной дивизии Вильгельм Т. рассказал: «Любой немецкий солдат знает, что в оккупированных

русских районах небезопасно ездить по железной дороге. Садясь в поезд, он не уверен, что доедет до следующей станции. Когда я ехал из Унечи в Гомель, мне пришлось задержаться на два дня в связи с прекращением железнодорожного сообщения. На этом участке партизаны взорвали большой состав с горючим. В тот же день на перегоне Гомель—Брянск подорвался поезд, который вез на фронт новые автомашины. По словам железнодорожников три крушения было убито 20 солдат».

Советские граждане, вырвавшиеся из оккупированных немцами районов, рассказали о кровавой расправе гитлеровских мерзавцев над мирными жителями Россовского района, Витебской области. За три недели немцы превратили в лесенные деревни Антоново, Наволово, Казимирово, Ягри, Савино и ряд других. Уничтожено деревень, сопровождавшее массовыми убийствами мирных граждан. В деревне Велье немцы забили в сарай 68 человек, в том числе много детей, и заживо сожгли их. В деревне Межево немецкие солдаты собрали стариков и заставили их вырыть могилы. Фашистские изверги затем расстреляли их в чем неповинных жителей деревни вместе с их детьми.

Пленные немецкие солдаты, недавно побывавшие в Германии, сообщают, что английская авиация произвела опустошительные разрушения в ряде городов. Пленный солдат 21 немецкой авиационной дивизии Бернгард Бауэр рассказал: «Гор. Мюнстер наголову разрушен. Во время одного налета уничтожен металлургический завод и ряд других промышленных предприятий. Район от Зонненштрассе до площади Гинденбурга представляет собой сплошные развалины». Ефрейтор 252 немецкой пехотной дивизии Руди Шнитцендубель сообщил: «Когда бомбили Ганновер, я находился в его пригороде. Зарево долго стояло над городом. Были разрушены Контигенталь Гумми-верке (завод по производству резины для автомобильной промышленности), бумажная фабрика и другие здания». Обер-ефрейтор 2 роты 5 мотострелкового полка 12 немецкой танковой дивизии Йозеф Пульковский рассказывает: «В Дунсбурге я на каждой улице видел следы разрушений от бомбардировок. Немецкие солдаты, семьи которых проживают в районах, подвергнутых частым налетам, с тревогой ждут прихода из Германии. Настроение в связи с этим у многих солдат подавленное».

Бельгийские волонтеры стрелки совершили смелый налет на немецкий военный склад в районе Льежа. В середине дня патриоты проникли на склад, погрузили на грузовые автомашины оружие и взрывчатые вещества и вывезли их на свою базу.

О ПРИСВОЕНИИ ВОИНСКИХ ЗВАНИЙ ВЫСШЕМУ НАЧАЛЬСТВУЮЩЕМУ СОСТАВУ ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ КРАСНОЙ АРМИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет: Присвоить нижеподписанным лицам высшего начальствующего состава Военно-Воздушных Сил Красной Армии воинские звания, установленные Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1940 года:

Звание ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА АВИАЦИИ	Звание ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ИНТЕНДАНТСКОЙ СЛУЖБЫ
Астахову Федору Алексеевичу.	Константинову Михаилу Петровичу.
Никитину Алексею Васильевичу.	
Звание ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКА ИНЖЕНЕРНО-АВИАЦИОННОЙ СЛУЖБЫ	Звание ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА АВИАЦИИ
Регину Александру Константиновичу.	Багаеву Павлу Егоровичу.
	Белову Василию Павловичу.
	Белову Ивану Михайловичу.
	Брайну Петру Игнатьевичу.
	Буянову Николаю Николаевичу.
	Водопьянову Михаилу Васильевичу.
	Волкову Александру Федоровичу.
	Грачеву Виктору Георгиевичу.
	Забалуеву Вячеславу Михайловичу.
	Монинами Владимиру Константиновичу.
	Стороженко Василию Васильевичу.
	Терентьеву Ивану Ивановичу.
	Токареву Борису Кузьмичу.
Звание ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА ИНЖЕНЕРНО-АВИАЦИОННОЙ СЛУЖБЫ	
Горшникову Николаю Петровичу.	
Дубову Василию Михайловичу.	
Залесову Павлу Ивановичу.	
Кузнецову Александру Ивановичу.	
Маркову Евгению Александровичу.	
Склякову Василию Андреевичу.	
Осипенко Петру Писовичу.	
Петрову Николаю Ивановичу.	
Звание ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ИНЖЕНЕРНО-АВИАЦИОННОЙ СЛУЖБЫ	
Лагину Алексею Алексеевичу.	
Руденко Леониду Георгиевичу.	
Шахурину Алексею Ивановичу.	

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР И. СТАЛИН.
Управляющий Делами Совнаркома СССР Я. ЧАДАЕВ.
Москва, Кремль. 30 апреля 1943 г.

ПРАЗДНИК В КРАСНОЗНАМЕННОЙ ВЫСШЕЙ ОФИЦЕРСКОЙ КАВАЛЕРИЙСКОЙ ШКОЛЕ

Вчера в Краснознаменной Высшей Офицерской Кавалерийской школе Красной Армии имени С. М. Буденного состоялось торжественное собрание, посвященное 25-летию юбилею школы.

В 19 часов в зал вносят знамя. Его несет гвардии капитан Богородов, награжденный тремя орденами и медалью «За отвагу».

С докладом о работе школы выступил полковник Новоселов, награжденный орденом Красного Знамени.

В зал входит делегация пионеров. Дети командиров рапортуют о своих успехах в учебе.

С исключительным воодушевлением слушают присутствующие текст приветственной телеграммы Народного Комиссара Обороны Маршала Советского Союза товарища Сталина.

Выступивший затем орденосице старший лейтенант Ханжиков от имени присутствующих заверяет, что личный состав Краснознаменной Высшей Офицерской Кавалерийской школы еще с большей на-

стойчивостью и энергией будет трудиться над воспитанием командных кадров Красной конницы.

Полковник Моисеев, награжденный орденом Красной Звезды в связи с 25-летием школы, говорит о том, что весь личный состав гордится тем огромным вниманием, которое оказано школе советским правительством и лично товарищем Сталиным.

— Почетная миссия выпала на долю преподавателей школы. В дни великой отечественной войны нам поручено готовить кадры офицеров для действующих частей Красной конницы. Каждый из нас должен приложить все усилия к тому, чтобы офицеры, отправляющиеся на фронт, были обеспечены всеми необходимыми для боя знаниями.

На собрании выступил генерал-майор Смирнов, который поздравил личный состав с высокой наградой Правительства.

В заключение состоялось концерт ансамбля песни и пляски Московского военного округа.

ПИСЬМО С ПЕРЕДОВОЙ

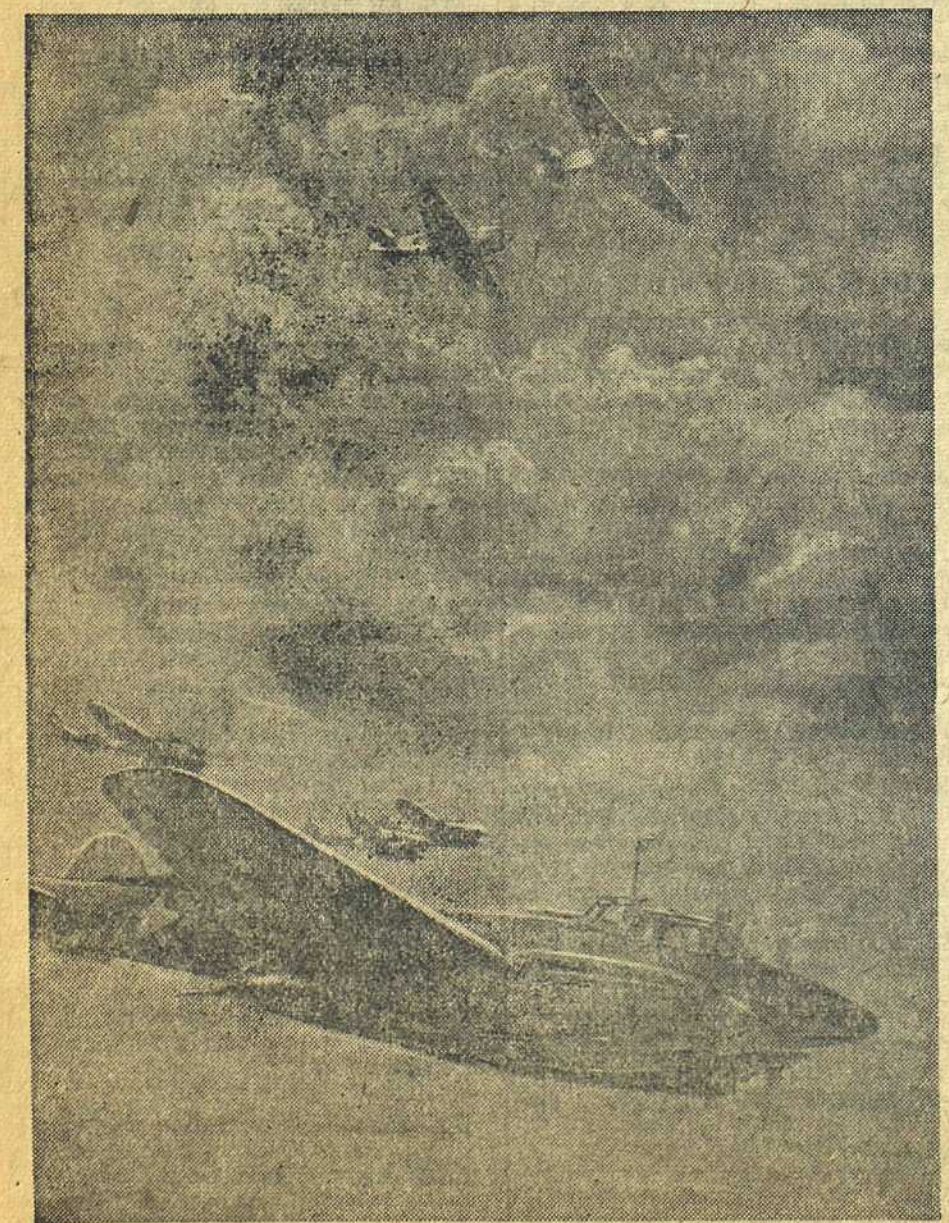
На кроме боя, на краю огня, в сарае чадит земляничного брата, поглядывая люди на меня доверчиво, охотно и открыто. Мне уступалась лучшая посуда, мне говорили братским языком: — садись поближе, милый гость оттуда.

И вглядываясь в ясные черты, теплом неубывающим согрета, я всё искала, всё ждала ответа: откуда столько щедрой доброты, откуда столько ласки и приветия? Но в ласковом гостеприимстве том не укрывалось никакого чужда. Там, за спиной, остался мир и дом. Меня любили, — я пришла оттуда.

Когда живешь к лицу с войной и под огнем хлопнешь у оружий, ты веришь, что останешься за спиной достойные твоей защиты люди. И эту веру человек хранит, как собственную жизнь оберегает.

Мой милый друг, когда получишь ты моей рукой написанные строки, подумай: наша горячая любовь должна быть человечней и суровей. Ведь за нее течет родная кровь. Так будем же достойны этой крови.

Маргарита АЛИГЕР.

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ. Пикирующие бомбардировщики под прикрытием истребителей идут на выполнение боевого задания.
Снимок нашего спец. фотокорр. О. Кнорринга.

ЗРЕЛОСТЬ

К. СИМОНОВ

Стоял первый по-настоящему теплый день. Долго державшийся снег вдруг сразу начал таять, и по крутой деревенской улице потекли быстрые черные ручьи. Последнее, что заметил полковник Проценко, когда пересекавшие улицу на хлюпающих, мокрых сапожках. Проценко вошел в избу, уставало опустился на скамейку, ожидая, пока фельдшер Вася приготовит ему постель. Полковника бросало то в жар, то в холод, — ангины, которую он таскал за собой последние недели, сегодня, кажется, готова была окончательно свалить его. Он приложил руку ко лбу, — голова горела. Пошатываясь, он дошел до кровати. Вася стал рыться в своей полевой сумке, отыскивая лекарство.

— Подожди, — сказал Проценко. — Сейчас приду. Позови ко мне Гвоздева.

В одном из боев полковник вынес из боя смертельно раненого Васю Голубева, молодого фельдшера; позже по случайному стечению обстоятельств Вася спас полковника от казавшейся неминуемой гибели. Противя кровь их сроднила. Голубев остался у полковника. Он был у него и адъютантом, и лекарем, и сыном. Он звал его, как зовут сына — по имени.

Вася, хорошо знавший по интонациям голоса полковника, где начинался и где кончался его медицинская власть над ним, послушно закрыл сумку и выбежал за красноармейцем, чтобы позвать Гвоздева.

Когда заместитель командира дивизии по хозяйственной части майор Гвоздев вошел, Проценко, казалось, уже лежал в забытии, плотно закрыв глаза. Но как только Гвоздев шелкнул каблуками, Проценко открыл глаза и внимательно, долгим взглядом уперся в его сапоги. Гвоздев, отряпавшись, тоже посмотрел на свои сапоги, недоумевая, что могло вызвать внимание полковника. Сапоги были в порядке.

Продолжая глядеть на них а не на Гвоздева, Проценко сказал, не повышая голоса и обращаясь к Гвоздеву на «вы», причем и то и другое, насколько Гвоздев знал, не превращало ничего хорошего.

— Прибыли ваши грузчики с сапогами? — спросил Проценко.

— Никак нет, — сказал Гвоздев. — Засели в грязи у Курдюмской, — после завтра будут.

— А в чем ходят бойцы, вам известно? — спросил Проценко.

— Так точно. В валенках, — сказал Гвоздев. — После завтра доставим сапоги.

Если завтра не доставите, — сказал Проценко, — то после завтра и вы, и вся ваша хозяйственная часть оденете валенки. Можете идти.

Гвоздев вышел. Проценко снова закрыл глаза, бездумно прогоняя какие-то мысли, которые полнее ему фельдшер Вася, и продолжал лежать неподвижно, так что только по его прерывистому дыханию можно было угадать, что он не спит. Отступив зубами, он с раздражением думал о том, что люди, прошедшие за эти два месяца шестьсот верст, сейчас идут в мокрых валенках и их негде ни обогреться, ни обсушить. Это была одна из тех издержек наступления, в которых, когда начинаешь разбираться, на первый взгляд кажется, никто не виноват, но которые в то же время ветераны. Наступали так, что не поспевали обогреться, не поспевали помыться, по два, по три дня почти ничего не ели, давно уже отыскивая греться водой и теперь еще эта отпетель... Он очень хорошо представлял себе, как бегущий у горы возле Курдюмской машины и как нет человеческого сил их вытаскивать, и в то же время он знал, что Гвоздев обязан придумать для этого что-то сверхчеловеческое, потому что иначе нельзя, и еще потому, что наступление вообще требовало сверхчеловеческого напряжения сил, и если на это были способны бойцы, то на это должен был быть способен и Гвоздев.

Тут Проценко подумал о себе и попробовал сосчитать себя за то, что вот все-таки он слег сейчас, вместо того, чтобы ехать в полк. Но нет, он и в самом деле не мог ехать: полчасика назад, когда он разговаривал со своим заместителем — полковником Шеповаловым, то чуть не упал и удержался только, схватившись за стул «Виллиса». Он должен пролежать сутки, иначе просто-напросто подохнет. Вдобавок, вдруг подумал он, плохой была бы у него дивизия и плохой был бы он командир, если бы на втором году войны он не мог оставить свое хозяйство на одни сутки. Год назад он, пожалуй, не мог бы оставить хозяйство на сутки, а сейчас может. Он отдал все приказания, и полковник Шеповалов, в конце концов, толковый военный, и командиры полков тоже хорошие командиры, и он во всех подробностях предусмотрел, как они должны будут действовать в течение этих суток, чтобы завтра взять город.

Фельдшер Вася, осторожно поддерживая его голову, сделал ему на горло компресс и приподнял его повыше на подушках.

— Еще выше, — попросил Проценко.

Вася поднял его еще выше.

— Разверну карту, — сказал Проценко. Вася развернул карту и держал ее на весу перед его глазами. Синие и красные стрелы и полукруги прыгали на карте, и Проценко, которому казалось, что карта дрожит в руках у Васи, сказал:

— Держи как следует.

Но стрелы и полукруги продолжали прыгать. Проценко понял, что это у него от жара и болезни рябит в глазах. Он несколько раз открывал и закрывал глаза, двигал на подушке головой и, наконец, нашел такое положение, при котором карта больше не прыгала. Всё было правильно. Он ткнул свою дивизию левее города на проселочные дороги и, как обычно, обходя немцев, хотел обить их с высот и выскочить к утру сразу не на восточную, а на западную окраину города. Сейчас, судя по времени, полки уже должны были начать атаку высот, и частые минные разрывы, казалось, подтверждали это.

Полковник ждал донесения. Но вместо связанного, в комнату вбежал командир батальона капитан Маркушев. Был он в обитой набойке шапке, в расстегнутом полушубке, из карманов которого торчали гранаты.

— Товарищ полковник, — сказал Маркушев, еще задыхаясь от бега. — Товарищ полковник, там машина готова: отъезжайте пока. Танки немецкие прорвались. К деревне подходят. К штабу.

— Опять, как в Калининске? — брезгливо спросил полковник, в упор поворачиваясь к Маркушеву. Калининское — это была единственная деревня во всем пути наступления, которую месяц назад, уже было заняв, снова отдали немцам после неослабной атаки их танков. Деревню взяли обратно с большими потерями только на следующий день, а ее название стало в дивизии словом нарицательным, — напоминанием о большой неудаче. Маркушев тогда тоже сплывал в числе других и отступил из деревни, и теперь слова полковника о Калининске были для него особенно обидны.

— Нет, товарищ полковник, — сказал Маркушев, побавляя, — не как в Калининске. Мы не уйдём. Мы хотим и на эту улицу их догнать, а все равно пожежем, пожежем всех. Но только вы, пожалуйста, садитесь в машину, хоть на хуторок отъезжайте. Они, часом, сюда вернуться могут.

— А вы их не пускайте, — сказал Проценко, — вот мне и ехать куда не нужно будет. Болен я, куда я не поеду. А теперь, как хотите: хотите — пускайте, хотите — нет. И Проценко повернулся набок, лицом к стене, выразив одним этим движением сразу и то, что никак он отсюда не пойдет, и то, что разговор его с Маркушевым окончен.

Маркушев знал по опыту, что если полковник замолчал, то пробовать продолжать разговор с ним бесполезно. Он потоптался еще несколько секунд в комнате и вышел расшатавшимся шагом человека, принявшего решение твердое и бесповоротное.

Как только Маркушев вышел, Проценко опять повернулся и лег на спину. Так лежал он уже было легче. Он поворачивался набок единственно с той целью, чтобы показать капитану, что ничего особенного не произошло и что, если танки полонили к деревне, это еще не причина для того, чтобы ему выезжать из нее, а капитану прибегать в раскрасневшем полнотелом к карманам, доверять набойкам гранатами. Если бы Проценко попробовал себе сейчас дать отчет в своих чувствах и вспомнил бы себя год или полтора назад, он бы сказал себе, что год назад, а тем более полтора, он не смог бы вот так повернуться на кровати и остаться лежать при этом известии: он бы либо и правда уехал на хутор, либо (скорее всего) поехал к Маркушеву вперед собственноручно отбывать танковому атаку, но во всяком случае эта танковая атака была бы для него тогда чем-то пусть уже привычным, но все еще жутким, и он не сумел бы спокойно на одном месте ждать ее результатов. Теперь он мог. Большие то, теперь он был убежден, что на улице под его окнами боя не будет, что танки останутся и начнут жечь еще на окраине и что делает это тот же самый капитан Маркушев, перебежавший к нему таким разбавленным не потому, что он увидел танки, а потому, что его волновала безопасность большого командира дивизии.

Теперь в избу доносились звуки совсем близкого боя. Проценко опять повернулся боком к стене и, по временам открывая глаза, прислушивался, стараясь на слух определить, что происходит. Стрельба то заходила, то разгоралась с новой силой. По звукам было слышно, что стреляли и орудия и противотанковые ружья сразу и на северной и на южной окраинах деревни.

— Так точно, товарищ полковник. А я же не могу: мне. Вася не разрешает с кровати вставать!..

Донесение от Шеповалова задерживалось. Оно пришло только к девяти часам вечера, потому что, как сказали полковнику, первый из посланных связных был убит по дороге мины. Шеповалов доносил, что продвинулись пока почти не удалось из-за свирепого огня, но что он надеется решить дело ночью.

Проценко вызвал к себе начальника оперативного отдела и отдал ему несколько дополнительных приказаний с тем, чтобы тот поехал с ними к Шеповалову и к утру вернулся обратно с донесением. Сводился эти приказания к обычным требованиям не быть в доб и не тратить лишнее время на резервы, но то, что Проценко все-таки сейчас посылал к своему заместителю специального человека с этими приказаниями, должно было дать Шеповалову понять, что сейчас это особенно важно и что командиры дивизии предчувствуют серьезное сопротивление немцев.

Когда начальник оперативного отдела уехал, Проценко подумал, что в сущности весь опыт, который он приобрел за время войны, в главном сводился к нескольким очень простым истинам, вроде тех, о которых он сейчас напоминал своему заместителю, но все эти истины, очень простые, когда о них шла речь вообще, становились предметом военного искусства в каждом определенном случае, когда их приходилось применять то в один, то в других обстоятельствах. Не быть в доб значило в каждом случае, на каждой новой местности знать безошибочно, где именно этот «доб», а не вводить преждевременно резервы — значило каждый раз точно угадать ту минуту, которая отделяла «предвременно» от «современно». Так было и со всеми остальными простыми истинами, и это оказывалось самым трудным.

К полному полковнику стало чуть-чуть легче, и он, наконец, заснул. Когда он проснулся среди ночи, в тишине были издала хорошо слышны не только разрывы мин, но и пугающие очереди: на высотах шел ночной бой.

Начальник оперативного отдела вернулся в десять утра. Проценко полулежал на кровати и с трудом, морщась от боли, мелкими глотками пил горячее молоко. Он отдал Васе стакан и молча выслушал доклад. За ночь положение не изменилось: один полк, взорвавшийся на высоте, утром был сброшен немцами обратно. Другой по приказу Шеповалова попробовал обойти немцев еще левее, но попал под сильный фланговый огонь и тоже не смог продвинуться.

— Что делается сейчас? — отрывисто спросил Проценко.

— Сейчас потянулись артиллерия и должны начать общую атаку.

— Можете идти, — сказал Проценко и велел Васе подать ему карту с нанесенной на утро обстановкой. Обстановка оставалась почти той же самой, что и вчера днем, когда он уезжал с передовых. Вчера вечером и ночью Проценко волновался оттого, что не мог сам наблюдать за боем и вообще от обычного нетерпения видеть свой план выполненным. Сейчас впервые в этом плане ему показались все войсками ясным, как представлялось вчера. Судя по всему, и Шеповалов и командиры полков действовали согласно его указаниям, а между тем наступление задерживалось.

Наблюдательный пункт Шеповалова помещался в ложбине за гребешком маленького снежного холма. Отсюда была хорошо видна вся дельта впереди длинная долина и тенью висевшая перед ней холмы, занятые немцами.

Проценко застал Шеповалова в момент, когда тот готовился отдать приказание о входе на левом фланге в бой нового полка. Шеповалов отработал ему и стоял, ожидая приказаний. Был он с утра неизвестно каким образом брит, за что Проценко в душе похвалил его, но, видимо, очень устал и был очень рад приезд полковника, который теперь своими глазами мог убедиться, что всё выходит не так, как думалось, не потому, что он, Шеповалов, делает что-то не так, а потому, что они не предугадывали действий противника, и немцы, защищая этот город, дрались не так и не там, где обычно.

— Прикажете вводить в бой полк? — спросил Шеповалов.

— Нет, — ответил Проценко и несколько минут молча рассматривал в бинокль поле боя.

Немцы располагались за обратными скатами холмов, и было трудно определить, какие у них были силы. Но всё — и потери, и упорство сопротивления, и частые, дожившиеся рядами вперед минные разрывы — говорило за то, что у немцев тут большие силы. Между тем, этого не должно было быть.

Перед фронтом Проценко в последнее время отступала сильно потрепанная в боях немецкая пехотная дивизия и если, как обычно, главные силы ее прикрывали шоссе, ведущее в город, то здесь, на этих холмах, проявившись через которые он хотел обойти город, не могло быть больше двух потрепанных батальонов. А между тем... Вдруг Проценко с той силой прорения, которая возникла у него в трудные минуты, перевернул всё происходившее наоборот и представил себе, на месте немецкого генерала, уже четвертую неделю отступавшего перед ним и за три недели отнявшего ему три города.

Три города взял Проценко одним и тем же маневром, оставляя против немцев заслон на главной дороге и главными силами обходя город со стороны, что справа по трудно проходимым местам, где немцы не ожидали ударов, в свою очередь оставляя только слабые заслоны. Три раза противник попадал на эту удочку, три раза Проценко входил в города с западных окраин, три раза немецкая дивизия стремительно отскакивала назад, оставляя пленных и раненых и с трудом высказываясь из окружения. И вот этот четвертый го-

род, и снова шоссе, ведущее к нему, и слева трудно проходимые высоты, на которые он бросил свои полки. В конце концов, немецкий генерал наверняка был капитаном или майором в ту германскую войну и уже три года воевал в эту, первые растерянность и ошеломление у него уже прошли, и не было ничего хитрого в том, что, одинаковым образом потеряв три города, на четвертый раз он предугадал действия Проценко.

Проценко с полной ясностью почувствовал, почти ощутил, что на этот раз немец перешел к обороне и оставил на главной дороге тоже заслон, а за этими холмами, по которым он был, у противника не два батальона, а может быть два полка.

Проценко сел рядом с Шеповаловым на разостланную прямо на снегу плащ-палатку, и они вместе разгребли на коленях ватушники от ветра карту.

— Сколько времени? — спросил Проценко.

— Семнадцать, — сказал Шеповалов.

— Через час начнет темнеть, — сказал Проценко. — Прикажете полку: сейчас же, с началом темноты передвинуться с левого фланга на правый, на шоссе. А когда совсем стемнеет, оттяните и другой полк. Мы его тоже двинем на шоссе.

Проценко посмотрел на карту и отметил по ней путь следования полков, сначала в тыл, потом вдоль фронта с выходом на шоссе.

— Сколько тут? — спросил он у Шеповалова. — Примерно 12 километров?

— Да.

— Ну, по такой дороге за 4 часа сосредоточится у шоссе, а часть сил мы растянем вдоль высот. Вы останетесь здесь. Артиллерия и вым оставлю вас, кроме противотанковой, и деретесь так, чтобы немцы ничего не заметили. Бейте их главным образом огнем, не жалейте снарядов.

Он помолчал, пока Шеповалов давал приказание адъютанту, а потом сказал:

— С полками на шоссе поеду я сам. И прибавил уже неофициально, поспешая только что отданное приказание: — Помните, Анатолий Дмитриевич. Чувствую я, что переключили они меня сегодня. Главные силы у них здесь, а на шоссе так, пусыни. Если скрытно передвинуть полки, то город будет наш. Приезжай ко мне утором, я где-нибудь около городского собора буду.

Всю первую половину ночи он провел в районе шоссе, отдавая приказание и объясняя командирам задачу. Город надо было взять сегодня ночью. Для первого удара он стянул всех бывших в его распоряжении автоматчиков и приказал подтянуть как можно ближе к немцам все минометы — рогатки, батальонные и полковые. И если Шеповалов там, на левом фланге, не даст немцам заметить никаких перемен, то они подумают, что здесь, на шоссе, вступили в бой новые части, и если даже у них окажутся силы для контрудара, они всё равно не выдержат и оставят город, боясь окружения.

Вой началась в три часа ночи, и к шести утра в бедной дымке зимнего рассвета первые отряды автоматчиков прорвались на окраины города.

В семь часов утра Проценко поехал к городскому собору и установил машину около широкой, избитой осколками снарядов аллеи. Юный связист прискакал с западной окраины и сообщил, что от немцев очищаются последние дома.

По улицам мимо него проходили роты, двигавшиеся во втором эшелоне. Многие были небриты. Старые солдаты обычно сразу узнавались по густым усах и по тому, как привычно и ловко несли они солдатскую выкладку на своих сутуловатых спинах. Много было и молодых парней. Но и те и другие шли через город уверенно, привычно, по-солдатски. Было в них во всех что-то усталое, бывалое, рождавшееся только через тяжелого опыта войны. Проценко вспомнил свою кадровую дивизию, где он служил начальником штаба перед самой войной. Да, она имела тогда более молодой, бодрый вид, лучше выглядела, и бойцы в ней были все погоды, ровесники, один к одному. Но они не имели вот этой бывалости, этой привычки, этого спокойствия перед лицом опасности, которые рождались на войне у бойцов, прошедших сейчас перед ним. Очевидно, таких был закон войны. Многим пришлось погибнуть, прежде чем те, которые остались в живых и дрались сейчас, стали такими — бывалыми, кадровыми солдатами и командирами, не по названию, а по существу.

Мысли Проценко прервал подехавший к нему на машине Шеповалов. Он доложил Проценко о ходе боя на левом фланге, вернее уже не о ходе боя, а о ходе преследования. Потом, поймав взгляд Проценко, он тоже несколько секунд рассматривал проходивших бойцов.

— Взяли всё-таки город, — сказал он. — Гони немцев. Подумай, товарищ полковник, как бы мы их сейчас погнали, если бы у нас была та кадровая дивизия, с которой войну начинали.

— Такава, с какой войну начинали? — переспросил Проценко. — Нет, Анатолий Дмитриевич, неправда вы. С такой дивизией, с какой войну начинали, медленнее бы сейчас гнали немцев. Хорошая была дивизия, но та, что сейчас у нас с вами — лучше. И мы с вами лучше, и командиры наши лучше.

Он помолчал и добавил:

— Вы так говорите, Анатолий Дмитриевич, потому, что в начале войны из нас пришли и сами себя не цените: всё вам кажется, что вы еще немного штатский человек. А вы сейчас самый что ни на есть кадровый, — более кадровый, чем я сам в начале войны был, хоть до этого 15 лет в армии прослужил. Ну, что же, — сказал он затем уже другим, официальным тоном, — подкашиваетсь положение для штаба. Располагайтесь преследованием. Мне сейчас Вася квартиру найдет, я лягу до вечера...

Он посмотрел вверх на разорванное небо облаком, на наминавшие голубые небо, потом перевел взгляд на землю, на которую пятнами ложились солнечные зайцы, и добавил:

— Я к вечеру поднимусь, уверенно лучше станет. Уж больно погода сегодня хорошая.

— Так точно, товарищ полковник. А я же не могу: мне. Вася не разрешает с кровати вставать!..

Донесение от Шеповалова задерживалось. Оно пришло только к девяти часам вечера, потому что, как сказали полковнику, первый из посланных связных был убит по дороге мины. Шеповалов доносил, что продвинулись пока почти не удалось из-за свирепого огня, но что он надеется решить дело ночью.

Проценко вызвал к себе начальника оперативного отдела и отдал ему несколько дополнительных приказаний с тем, чтобы тот поехал с ними к Шеповалову и к утру вернулся обратно с донесением. Сводился эти приказания к обычным требованиям не быть в доб и не тратить лишнее время на резервы, но то, что Проценко все-таки сейчас посылал к своему заместителю специального человека с этими приказаниями, должно было дать Шеповалову понять, что сейчас это особенно важно и что командиры дивизии предчувствуют серьезное сопротивление немцев.

Когда начальник оперативного отдела уехал, Проценко подумал, что в сущности весь опыт, который он приобрел за время войны, в главном сводился к нескольким очень простым истинам, вроде тех, о которых он сейчас напоминал своему заместителю, но все эти истины, очень простые, когда о них шла речь вообще, становились предметом военного искусства в каждом определенном случае, когда их приходилось применять то в один, то в других обстоятельствах. Не быть в доб значило в каждом случае, на каждой новой местности знать безошибочно, где именно этот «доб», а не вводить преждевременно резервы — значило каждый раз точно угадать ту минуту, которая отделяла «предвременно» от «современно». Так было и со всеми остальными простыми истинами, и это оказывалось самым трудным.

К полному полковнику стало чуть-чуть легче, и он, наконец, заснул. Когда он проснулся среди ночи, в тишине были издала хорошо слышны не только разрывы мин, но и пугающие очереди: на высотах шел ночной бой.

Начальник оперативного отдела вернулся в десять утра. Проценко полулежал на кровати и с трудом, морщась от боли, мелкими глотками пил горячее молоко. Он отдал Васе стакан и молча выслушал доклад. За ночь положение не изменилось: один полк, взорвавшийся на высоте, утром был сброшен немцами обратно. Другой по приказу Шеповалова попробовал обойти немцев еще левее, но попал под сильный фланговый огонь и тоже не смог продвинуться.

— Что делается сейчас? — отрывисто спросил Проценко.

— Сейчас потянулись артиллерия и должны начать общую атаку.

— Можете идти, — сказал Проценко и велел Васе подать ему карту с нанесенной на утро обстановкой. Обстановка оставалась почти той же самой, что и вчера днем, когда он уезжал с передовых. Вчера вечером и ночью Проценко волновался оттого, что не мог сам наблюдать за боем и вообще от обычного нетерпения видеть свой план выполненным. Сейчас впервые в этом плане ему показались все войсками ясным, как представлялось вчера. Судя по всему, и Шеповалов и командиры полков действовали согласно его указаниям, а между тем наступление задерживалось.

Наблюдательный пункт Шеповалова помещался в ложбине за гребешком маленького снежного холма. Отсюда была хорошо видна вся дельта впереди длинная долина и тенью висевшая перед ней холмы, занятые немцами.

Проценко застал Шеповалова в момент, когда тот готовился отдать приказание о входе на левом фланге в бой нового полка. Шеповалов отработал ему и стоял, ожидая приказаний. Был он с утра неизвестно каким образом брит, за что Проценко в душе похвалил его, но, видимо, очень устал и был очень рад приезд полковника, который теперь своими глазами мог убедиться, что всё выходит не так, как думалось, не потому, что он, Шеповалов, делает что-то не так, а потому, что они не предугадывали действий противника, и немцы, защищая этот город, дрались не так и не там, где обычно.

— Прикажете вводить в бой полк? — спросил Шеповалов.

— Нет, — ответил Проценко и несколько минут молча рассматривал в бинокль поле боя.

Немцы располагались за обратными скатами холмов, и было трудно определить, какие у них были силы. Но всё — и потери, и упорство сопротивления, и частые, дожившиеся рядами вперед минные разрывы — говорило за то, что у немцев тут большие силы. Между тем, этого не должно было быть.

Перед фронтом Проценко в последнее время отступала сильно потрепанная в боях немецкая пехотная дивизия и если, как обычно, главные силы ее прикрывали шоссе, ведущее в город, то здесь, на этих холмах, проявившись через которые он хотел обойти город, не могло быть больше двух потрепанных батальонов. А между тем... Вдруг Проценко с той силой прорения, которая возникла у него в трудные минуты, перевернул всё происходившее наоборот и представил себе, на месте немецкого генерала, уже четвертую неделю отступавшего перед ним и за три недели отнявшего ему три города.

Три города взял Проценко одним и тем же маневром, оставляя против немцев заслон на главной дороге и главными силами обходя город со стороны, что справа по трудно проходимым местам, где немцы не ожидали ударов, в свою очередь оставляя только слабые заслоны. Три раза противник попадал на эту удочку, три раза Проценко входил в города с западных окраин, три раза немецкая дивизия стремительно отскакивала назад, оставляя пленных и раненых и с трудом высказываясь из окружения. И вот этот четвертый го-

род, и снова шоссе, ведущее к нему, и слева трудно проходимые высоты, на которые он бросил свои полки. В конце концов, немецкий генерал наверняка был капитаном или майором в ту германскую войну и уже три года воевал в эту, первые растерянность и ошеломление у него уже прошли, и не было ничего хитрого в том, что, одинаковым образом потеряв три города, на четвертый раз он предугадал действия Проценко.

Проценко с полной ясностью почувствовал,

Гвардии генерал-майор М. АНАШКИН

Тактическое мастерство

Война научила нас многому и прежде всего искусству современных сражений и боев. В ходе войны росло значение подвижных средств. Ответственно увеличивались возможности маневра и возрастала его роль как основного условия оперативного и тактического успеха. Преимущество тактики маневрирования над линейной тактикой были ясны нашим командирам уже в первый период войны. Однако понадобилось известное время для того, чтобы это сознание преобразилось в практику. Самой серьезной предпосылкой успеха летней зимней кампании Красной Армии и явилось отращивание командного состава от глупой и вредной линейной тактики и применение нашими войсками тактики маневрирования.

Когда на Дону была прорвана неприступная оборона, одна наша дивизия задержалась на фланге прорыва. Немцы охраняли этот фланг, готовясь к контрудару. Маневр соседней дивизии из глубины прорыва на неприступный фланг выброска пехотных подразделений на танках и автомашинах в тыл противника сорвал расчеты немецкого командования, определив успешный ход всей этой наступательной операции.

На одном из пунктов у Сев. Дона два батальона немцев прочно укрепились в одном опорном пункте. Стрелковый батальон под командованием капитана Демидова совершил удивительный маневр на неприступные тылы, и опорный пункт пал.

Таковы типичные примеры тактики маневрирования, применявшиеся зимой частями Красной Армии. Эта тактика не обходилась при высокой плотности фронтального огня, достигнутой в нынешней войне. Теперь редко встретишь командира, который, стоявший с упорным и хорошо организованным сопротивлением противника, упорно илет напролом. Наоборот, руководящей идеей бой становится поиск слабых мест. Удары в стыки, фланговые обходы, выходы на тылы, стремление отрезать, окружить и полностью уничтожить противника — вот что начинает доминировать ныне в нашей тактике.

По мере того, как тактика маневрирования внедрялась в боевую практику Красной Армии, стала исчезать маневровость, которой страдали многие командиры в первый период войны. Эпизоды развития прорыва смело устремлялись вперед, не боясь обходить свои фланги и вместе с тем охраняя их. Возникли новые формы флангового прикрытия. Командиры стали обеспечивать фланги наступавших построением боевых порядков, выброской подвижных противотанковых групп в угрожаемых направлениях и пр. Глубокие взятия и рейды перестали путать своей рискованностью.

Разумеется, в этом стремлении вперед должно быть чувство меры. Грезно оценивая обстановку, надо уловить момент, когда материальные возможности начинают иссякать и дальнейшее продвижение вперед становится неразумным. Такой момент наступает, когда силы наступающего истощены до предела, либо тыловые базы оторваны настолько, что уже не в состоянии обеспечить дальнейшее наступление. Этот момент может наступить также тогда, когда противник, выдвинув резервы, сумел сосредоточить силы, способные не только отразить наши атаки, но и нанести контрудар. Тот, кто не способен видеть назревающий перелом и задерживается, потерпит поражение.

Опыт войны учит: ищешь в наступлении — обеспечивай операцию на всю глубину; маневрируешь в глубине неприступной обороны — закрепляй за собой местность, позиции и фланги; наступаешь — будь всегда готов к обороне.

Маневренный характер нынешних боев обуславливает особые задачи пехоты, среди которых важнейшая — закрепление на завоеванных рубежах. Выполняя ближайшую и последующую задачи, пехота не свертывается, а переходит к обороне на достигнутых рубежах.

Война научила нас по достоинству ценить пехоту, как род войск, без которого танки и авиация бессильны. Но война показала, чтобы и сама пехота полностью соответствовала новому характеру боевых действий. Побеждает тот, кто скор и подвижен. Еще Суворов учил пехоту искусству стремительных переходов. Современные бои убедили суворовские марши.

Зимой, по бездорожью, наша пехота, наступая на танках, делала по 30 километров в сутки с боями. Боевое питание шло перекатами, через промежуточные базы. В моменты коротких пауз была одна забота: подтягивать тылы, не давая им отрываться. Этот опыт пригодится нам и в будущих боях.

Подвижность пехоты решает успех наступления. Отсюда преимущество мотомеханизированной пехоты перед обычной. Последняя незаменима при прорыве, но уступает мотомеханизированной при маневре в глубине.

Сила пехоты — в ее взаимодействии с

подвижными средствами. Никогда, ни в каких других войнах, взаимодействие всех родов оружия не играло такой роли, как теперь. Это также — великая наука войны. Опыт боев говорит: если все виды огня не направлены к одной цели — успех не будет достигнут; если огонь не сочетается с движением войск — он будет затрачен впустую; если взаимодействие осуществляется не по строго рассчитанному времени и рубежам, — шансы на выигрыш боя переходят к противнику. Война научила нас считать секунды в бою.

Известные ранее принципы взаимодействия ныне усложнились. Возникли новые принципы, соответствующие маневренному характеру боев. Такими новыми формами взаимодействия артиллерии с танками в глубине неприступной обороны, артиллерии с пехотой при отражении танковых атак, пехоты с танками и т. д.

Инициатива теперь нередко переходит в руки танкового командира, а если сохраняется за общевойсковым командиром, то при условии, что он следует в бой с передовыми танковыми частями. Артиллерийские командиры предпочитают ныне находиться на наблюдательных пунктах пехотного начальника, лично наблюдая за ходом боя и непосредственно руководя огнем. При нынешней скорости боев и больших темпах передвижений войск единственно надежным средством управления стала радиосвязь. Все это также накладывает свой отпечаток на взаимодействие родов войск, делаем его иным, более современным.

Тактический опыт, почерпнутый нами в войне, богат и разнообразен. Война, утвердив господство наступательных действий, заставляет вместе с тем признать и оборону нормальным видом боя. Она лишь изменила характер оборонительных боев, а следовательно, и их тактику. Основной принцип современной обороны — сочетание стойкости и маневра. Стойкость войск всегда решала судьбы сражений. О стойкости русских армий разговаривали все усилии иноземных захватчиков. Стойкость и ныне остается важнейшим условием победы. Великая отечественная война явила нам немало примеров высокой стойкости войск. Одна наша стрелковая часть 42 дня сдерживала натиск превосходящих сил противника. На рубеже одного населенного пункта эта часть отбила все танковые и пехотные атаки противника, выстояла перед массированным воздействием с воздуха, отразила все неприятельские попытки танкового обхода. Нанеся огромные потери неприятелю, эта часть истощила его перед передним краем своей обороны. Под командованием подполковника Береговых в течение семи суток отражал непрерывные танковые атаки и удержал свои позиции, дожидаясь подхода наших танковых резервов. Сильной контратакой противник был отброшен, а затем обращен в бегство.

Стойкость рождается в бою, выковывается железной рукой командира. Стойкость поддерживается активностью действий. У войск, находящихся в обороне, должен быть наступательный порыв. Как в наступлении надо быть всегда готовым к обороне, так и в обороне нужно держать войска в постоянной готовности к наступлению.

Стойкая защита рубежей каждой частью определяет общую прочность занятой войсками обороны. Однако при современном уровне развития наступательных средств одной лишь стойкости войск недостаточно, чтобы отразить удар противника. Оборона должна быть маневренной. Формы маневра в обороне могут быть разными: контратаки с флангов, контратаки из глубины, огневые мешки и т. д. Цель же одна: сохранить рубежи, измотать и уничтожить противника, превратить его победу в его поражение.

Между стойкой позиционной защитой рубежей и маневром есть глубокая связь. Стойкая оборона на переднем крае обеспечивает маневр в глубине. Как бы трудно ни было, надо держать свои позиции. Дрогнув сосед — стой на месте. Противник прорвался — не отходи без приказа, иначе сорвется маневр и поставишь под удар свои войска. И наоборот, своевременный маневр резерва усиливает стойкость обороняющегося войска. В случае прорыва противника на одном из участков обороны резерв восстанавливает положение контрударом из глубины. Надо иметь глубокую противотанковую оборону с сильными и подвижными резервами. Нужно уметь вводить в бой резерв, выступив в тот момент, когда противник еще не успел реализовать свой успех.

Таковы некоторые тактические уроки, преподанные нам войной. Наука современной войны, подвига товарищам Сталиным на уровень, достойный нашей великой державы, созидания и воплощения в практике повседневных боев Красной Армии, дает нам верное оружие победы.

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ. Отважный разведчик гвардии красноармеец А. Уваров, отлично выполняющий задания командования.

Снимок нашего спец. фотокорр. Я. Халипа.

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ. Отважный разведчик гвардии красноармеец А. Уваров, отлично выполняющий задания командования.

Снимок нашего спец. фотокорр. Я. Халипа.

ВРУЧЕНИЕ ОРДЕНОВ И МЕДАЛЕЙ СССР

Председатель Президиума Верховного Совета СССР тов. М. И. Калинин вручил ордена и медали награжденным.

Орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» вместе с грамотой о присвоении звания Героя Советского Союза вручаются майору А. И. Никитину, старшему лейтенанту А. П. Позднякову и лейтенанту Г. Г. Калинин.

Орден Суворова II степени вручается генерал-лейтенанту артиллерии И. П. Камеру и подполковнику А. А. Головачеву, орден Кутузова II степени — генерал-майору Б. А. Пигареву, П. Г. Тихомирову и гвардии подполковнику Д. К. Гуменику.

Тов. М. И. Калинин поздравил награжденных с наступлением днем 1 мая и выразил уверенность, что наши бойцы, командиры, политические работники, закаленные в ожесточенной борьбе с немецкими захватчиками и накопившие большой боевой опыт, приложат все свои силы, знания и умение, направят всю свою волю, чтобы в предстоящих сражениях сохранить за Красной Армией боевую инициативу, вырванную у германской армии истекшей зимой. В заключение тов. М. И. Калинин сердечно поздравил получивших награды товарищей и пожелал им полных успехов в боях за Родину. (ТАСС).

ПЕРВОМАЙСКИЕ СОБРАНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ СТОЛИЦ

Позавчера и вчера в районах столицы состоялись торжественные вечера, посвященные Первомайскому празднику.

В Дворце культуры автозавода имени Сталина собрались стахановцы, рабочие и инженеры Пролетарского района. В Центральном доме работников искусств происходило собрание трудящихся Дзержинского района.

С большим подъемом прошли вчера молодежные митинги, посвященные Первомайскому празднику на предприятиях Кировского района. На собраниях присутствовали делегаты из подшефной райкомсоммолы части с Западного фронта. В Бауманском районе состоялась встреча трудящихся района с защитниками Сталинграда — делегацией бойцов и командиров прославленной 62-й армии.

На всех собраниях с большим подъемом были приняты приветствия товарищу Сталину. (ТАСС).

ТОРЖЕСТВЕННЫЕ МИТИНГИ В ГОРОДЕ ЛЕНИНА

ЛЕНИНГРАД, 30 апреля. (ТАСС). На предприятиях и в учреждениях Ленинграда с большим подъемом прошли митинги, посвященные 1 Мая.

Многочисленные митинги и собрания состоялись сегодня в частях Ленинградского фронта. В Н-ском соединении был проведен предмайский слет снайперов. Лучшим снайпером — старшему лейтенанту Миранову, истребившему 223 фашиста, старшему сержанту Бедлашу, ефрейтору Кутенкову и другим представителям командования вручили ордена.

ПЕРВОМАЯ В УЗБЕКИСТАНЕ

ТАШКЕНТ, 30 апреля. (ТАСС). Празднично украшаются города и кишлаки республики к 1 Мая. На зданиях вывешиваются красные транспаранты, портреты руководителей партии и правительства.

1 мая в Узбекистане вступит в строй новые промышленные и коммунальные предприятия, культурно-бытовые и лечебные учреждения.

Трудящиеся республики позаботились о том, чтобы семья защитников родины по праздничному встретила день 1 Мая. В Ташкенте, Пахта-Абдском и Аниском районах открываются столовые для детей военнослужащих, при Ферганской текстильной фабрике — молочная кухня. В Ташкенте 800 семьям фронтовиков предоставлены новые квартиры, 400 семьям — отремонтированные старые, выдано 1.000 тонн топлива, 2.500 пар обуви и т. д.

Алексей ТОЛСТОЙ

К а т я

РАССКАЗ

Живописец написал бы ее портрет так: Катя стоит и улыбается, тонкие волосы распущены, будто ими шалит майский ветер, ситцевому платьицу приятно быть надетым на такую стройную девушку, позади нее между облаками — теплые лучи солнца сквозь лазурь, под ногами — что-нибудь вроде порошинки с одуванчиками, и самое важное — лицо, — вопросительно приподнятые брови, уверенно вздернутый носик, сверкающие неустойчивой жизнью, мечтательные, умные, невинно страстные глаза, свежий чуть-чуть припухлый рот, — лицо такое, что живописец, даже не закончив портрета, сам бы должен влюбиться в эту восемнадцатилетнюю девушку, если у него есть хоть капля здравого смысла.

Катя не любила ничего несправедливого, жестокого и бурного. Иной человек от одного пустого злобствования соскочит с трамвая, чтобы вклиниться в какой-нибудь скандал на улице. Нет! Катя считала, что хорошо тогда, когда кругом дружелюбные люди, добрые, веселые, энергичные... От диких криков на улице у нее закатывалось сердце. Нет и нет! — всё злое было ни к чему в этой жизни.

К чему или ни к чему, но злые люди существовали, и много кругом совершалось жестокого. Но Катя было всемогущей лет, и она еще продолжала расти, поэтому и жизнь кругом нее также должна была расти, называться зловещим и совершенствоваться. В это Катя верила, хоть режь ее на куски. Всё тяжелое и темное должно было исчезать так же, как на московских улицах исчезали гнилые домишки и на месте их быстро вырастали громады или «комиссы». Когда Катя рано поутру пробегала Красной площадью по пути в школу, ничто бы не могло убедить ее в том, будто золотые стрелки часов на башне двигаются к худшей жизни. Ничего подобного! — время вело стрелки часов к какому-то счастью, а тем самым, и ко всеобщему счастью.

Катин отец служил в тресте и ежегодно шесть с половиной месяцев терпеливо ожидал времени, когда можно будет с новой силой приложить все свои силы, знания и умение, направят всю свою волю, чтобы в предстоящих сражениях сохранить за Красной Армией боевую инициативу, вырванную у германской армии истекшей зимой. В заключение тов. М. И. Калинин сердечно поздравил получивших награды товарищей и пожелал им полных успехов в боях за Родину. (ТАСС).

Катя ходила с братом в театр, в филармонию и кино, но даже больше всего этого любила — после вечернего чая, — забравшись с ногами на старую отоманку, — разговаривать по телефону с Леонидом о разных фантастических вещах. Он рассказывал, например, такие штуки, полужела около Кати, жужа мундштука погасшей папироски:

«Вот тебе ближайшее достижение физики, буквально через несколько лет: путешествие в межпланетное пространство, например, — за неизвестной нам высочайшей культурой — на планету Марс. Для этого тебе не потребуется самой лететь триста миллионов километров, рискуя разбиться вмятку при посадке... Мы приспособимся к межпланетному реактивному движению с фотоэлементом и объективом и радиопередатчиком. Он всё видит и посылает волны, которые мы принимаем на земле и переводим через такой же фотоэлемент на экран... Вот здесь стоит у нас приемник и экран... Этот гадардерб и ширмы мы выкинем в черт... Ты сидишь на отоманке, подбери ложку, и колдуй! Снаряд приближается к Марсу, и перед тобой на экране вырастает ни на что не похожий пейзаж: аркадные пустыни, пропавшие каньоны шириной в сто километров... По берегам — вытянутые города с круглыми домами... И — марсиане, — четырехногие — заметь, но двурукие, с большими студенистыми лицами, необыкновенного, нечеловеческого ума... Так... А второе достижение, Катя, это уже будет лет через двадцать, над этим еще придется поспешить мозгами... Это — передача материи на расстояние таким же волнами, как радио... Я, например, должен специально послать тебя в Австралию, в Мельбурн, к твоему жениху... Вожу тебя в особую кабину, присоединяю к голове и к пятке контакты, пускаю ток сверхчистых колебаний, которые передаются на аппарат, посылающий трансформированную материю в виде радиоволн. Под действием чистых колебаний твое тело начинает расплываться, материя превращается в энергию, и в организованном порядке ты лежишь в Мельбурне. Твой изюминка-жених находится там в такой же кабине перед приемником, в котором ты — обротно — из энергии превращаешься в материю, — начинаться появляешься в виде тумана, потом — во всей красе... Отраст-

ный подолуй, и вы отправляетесь в кафе... Да, Катя, не успеешь оглянуться, как жизнь станет удивительным царством доброго гения... Можно описать земной шар по шестидесяти параллели электрическим кабелем толщиной сантиметр в пятнадцать, пустить по нему ток полиллона, на волты, и тем самым размагнитить поле земного магнетизма, которое, как известно, задерживает корпускулярную солнечную энергию, и на шестидесяти параллели, на тундрах, будет расти виноград... Все будет механизировано — только нажимай кнопки... Работать будут два часа в день, ну — четыре... Иногда мне кажется, — чорт знает, что я способен приуменьшить и сделать... Верно говорю... Главное это — ни в чем не ограничивать свою мысль... А самое главное — уничтожить основное ограничение — войну, истребить самую причину войны... Надвигается неистощимый, непередаваемый ужас... Ты уж мне поверь... Над моим мозгом, над гением человеческим нависло нечто смрадное, жаждающее, свирепое...

Война обрушилась на человеческий гений. Немецкая душа вырвалась на свободу, чтобы досыта насладиться злом... Немцу было, наконец, разрешена кровь, — разрешено редкое удовольствие — убивать людей... Настал богатый праздник древнегерманского прироста: ити с засученными рукавами, жечь, врыпывать, топтать, вонзаться, глядеть на дымы и дымы по горизонту, на зарева, зарева, глядеть на жуки крови, на искаженные предсмертным ужасом лица человеческие... «Вперед! — кричали немцы. — Хо-хо! Вот это полновесная жизнь!»

В это лето Катя окончила школу, но вместо университетов пришлось служить. Война не пощадила ее семьи. Отец стал жаловаться на тошноту и слабость, в сентябре его отвели в больницу, вскрыли живот, да и опять зашили, через несколько дней он умер. У Катин мамы стали после этого так трястись голова и руки, что пришлось швейную машинку прикрыть чехлом. Леонид ушел добровольцем в артиллерийский полк на фронт. Катя, как большинство московских девушек, добровольно работала сначала в учреждении, потом на оборонном заводе. Когда немцы подошли к Москве, она конала вместе с другими траншеи и противотанковые рвы.

Хотя один футасок да грохот зенитной артиллерии были достаточно, чтобы внушить ей вестественность войны, всё же война не была для нее очевидным поводом, должно быть потому, что такое великое зло не помещалось в ее светлом сердце. Катя не могла опустить ни миллион смертей, ни возможности того, что делали немцы, — истязания, насилия, убийства. Верила всему этому, но представить не могла. Живописец теперь бы не стал, пожалуй, писать Катин портрет. Она стала молчаливой, ходила, глядя под ноги, сдвинув брови. У нее было такое ощущение, как у мухи на оконном стекле, — препрада.

Леонид писал с фронта: «Наконец, кончилось тяжелое время, когда мы зажимали в себе стыд, отступая перед этой сволочью. Теперь отступают они... С удовольствием вижу походу торжание из ступором немецкие ноги, в одних носках, с продранными пятками... Вообще мерзлых гансов, шансов вылезает здесь по всем дорогам невероятное множество. Навалил еще больше. Немец влился в Россию, — это он теперь полая. Катя, живу злостью, каждую дожку красноармейского борща заедаю злостью. Она во мне великолепно зреет, — физиологическая, национальная, философская ненависть... Нет поцелуй разрушительным добром... Много думаю о тебе, сестренка... Я видел таких, как ты, растерзанных... Боже мой... Бойтесь нас, немцы... И ты, Катя, живи, стиснув зубы злобой... Ты девушка русская, значит умеешь любить и ненавидеть до конца...»

Однажды пришла открытка с фронта, — кто-то, подписавшийся неразборчиво, сообщил Кате, что ее брат, старший сержант Леонид Иванов, пошел в разведку и не вернулся.

Когда Катя читала эту открытку, война со всем яростно укусила ее за сердце. У Кати часто, часто затрещали губы. На нее обрушилось невидимое, неслышимое. Со всей силой сдерживаясь, перечитывала, и слезы капали с открытки вместе с липкими чернилами. Леонид больше нет! Это — невозможно! А жир — без него все же возможно, и соседская кошка так же мяукает на лестнице... Катя почувствовала войну.

Катя достала его письма и, разложив на старой отоманке, торопливо читала и перечитывала. В них всё было новое, весь смысл иной. Ночью Леонид начал представлять ей так страшно, что Катя, зажав руками рот, тихо кричала в подушку. От матери всё скрыла. На другой день поехала в военкомат. Ее взяли на фронт санитаркой.

Катя сидела, свесив ноги, на платформе, груженной санитарным имуществом. Поезд медленно двинулся, останавливаясь и толкаясь. Впереди чинили путь. Мартовское солнце топило снега, а по почкам подмораживало. Повсюду близ полотна оттаивали из-под снега грязные скорченные руки, босые огромные ступни, целые туловища раздутых немцев. Своим лет влились синеватые их лица, будто эти покойники силились и не могли взглянуть остекленевшими глазами на весеннее солнце. Ехали уже которую версту, и — всё те же трупы валялись в кюветах. Много черных птиц поднималось и снова садилось на них. Повсюду до горизонта чернели на снегу и ржавели на оттаявших буграх исковерканные, разбитые, сожженные, опрокинутые военные машины и пушки, груды ящиков, и ветер отрывал от снега и гнал обрывки писем, миллионы испепеленных листов, — запоздалый жалоб на затравленную войну... Это был путь немецкого отступления сорок гретого года.

Катя насмешливо глядела на мертвецов. Поверх халата у нее на запястьях были надеты трофейные часы. Она стала следить за тем, как минутная стрелка незаметно ползет между делениями, и вдруг обнаружила, что часто, коротко вздыхает. Вспомнились другие — золотые стрелки из другой жизни. Это еще что такое, мать моя! Катя тряхнула головой и опять принялась считать немцев.

В санитарном отряде Катя считалась твердой и даже жестким товарищем, после того, как однажды в метель, став на дороге, она остановила несколько грузовиков, пригрозив, что будет стрелять по головному вожатому, и повернула машины в полевой госпиталь за ранеными. Катя любила всё сильное, жесткое, бурное. Ее не напугать было стрельбой в тылу просочившихся автоматчиков. Сама брала автомат.

Катя — не находилось живописца на фронте — написать Катин портрет: в настоящем бело-грязном полумраке, грубых сапогах и, все же, стройная была удивительно, — глаза большие, суровые, ясные, на щеках — смуглый румянец, из-под серой шапки — прядь тонких волос, которыми было тесно под шапкой.

Бои шли на Украине. Фронт был кругом. Но ночам горизонт кругом горел высокими заревами, и земля, и небо сотрясались таким военным громом, какого никогда еще не слышали люди.

Катя получила медаль за храбрость, — утром окопа санитарного грузовика ей вручил эту медаль майор, тоже по фамилии Иванов. Сказав официально всё, что положено, он ни с того ни с сего приблизил от себя: «Очень горд и очень рад за вас, Катя, ведь вы наша любовь». А той же ночью Катя попала под немецкий миномет. После полученной посланнойся глупо на фланге отчаянная стрельба, крики «ура», полетели трассирующие пули, взвились ракеты, жестяники, ярче солнечного, четким светом стало освещаться небо. Это наша, оказавшаяся в соседстве, небольшая часть, окутывая немцев, сама попала в окружение и теперь пробила. В горячке боя Катя с двумя санитарками ползала подбирать раненых. Под светом повисшей с плоского неба ракеты один раненый, в стеганом ватнике и железном шлеме, силится ползти в нашу сторону, — поднимался на руках и ложился. Катя, низко нагнувшись, побежала к нему, легла рядом и только завела его руки себе за плечи, — проклято светящееся небо просверлила мина и рванулась, и Катю перевернуло несколько раз.

Когда она очнулась — не сразу поняла, почему ее сапоги носками царапают по мерзлым косякам. Оказывается, тот же раненый, в шлеме и ватнике, постанывая, водочил Катю к своим окопам. Она сказала ему:

— Ступай, брось. Давай полежи. Я сейчас отыщу, меня только ушибло. Я тебя доволоку.

Они лежали рядом, щека к щеке. Он больше не стонал, только нех-нет да и поскрипывал зубами. Несколько минут лежали в темноте. И снова небо разразилось жестким светом.

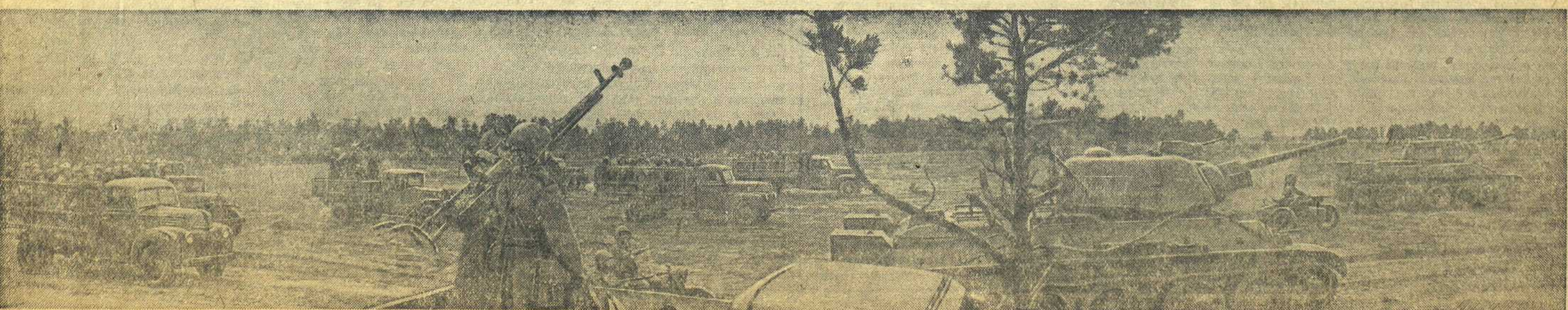
— Ты что зубами скрипишь, больно? — спросила Катя и повернула голову, не поднимая ее от земли, и тут повернула голову. И Катя не сразу узнала, что это — Леонид, ее брат. И он не сразу узнал Катю. А может быть им уже потом стало казаться, что они не сразу узнали друг друга.

НАРОДНЫЕ СКАЗИТЕЛИ — ФРОНТОВИКАМ

Для обслуживания бойцов и командиров в первомайские дни выехала вчера на фронт бригада Всесоюзного дома народного творчества им. Н. К. Крупской.

С поэзиями, сказками, новинами и частушками, отражающими героическую борьбу

русского народа против фашистских захватчиков, выступят перед фронтовиками сказители Е. В. Волкова из Московской области, А. А. Суховертова из Архангельской области и А. В. Анисимова из Пензенской области.

ДЕЙСТВУЮЩАЯ АРМИЯ. Мотомехпехота и танки движутся к исходным позициям.

Снимок наших спец. фотокорр. капитана А. Капустянского и Я. Халипа.

НА КУБАНИ. На-днях Советское Информбюро сообщило, что зенитчики, где командиром тов. Костенко, за последние дни сбили 17 немецких самолетов. На снимках: 1. Тов. А. Ф. Костенко. 2. Орудийный расчет старшего сержанта Дьяченко на огневой позиции. Снимки нашего спец. фотокоп. капитана В. Темина.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ТУНИСЕ

ЛОНДОН, 30 апреля. (ТАСС). В коммюнике штаба союзников в Северной Африке сообщается, что вчера в зоне операции 8-й армии союзные войска предприняли местную атаку и заняли намеченную позицию. Контратака противника в этом секторе имела некоторые успехи. На фронте 1-й армии в секторе Меджес-эль-Баба происходили ожесточенные бои. Противник предпринял силами танков и пехоты решительные контратаки против недавно захваченных союзниками позиций. Основной натиск противника направлялся против Джебел-Аука. Бой продолжался весь день. Все атаки противника были отбиты за исключением атаки в районе Меджер-эль-Баба, где противнику удалось захватить небольшую территорию. При этом противник понес тяжелые потери. Во всех остальных районах передовые позиции союзников были удержаны. На севере американский 2-й корпус осуществил местные продвижения.

В ночь на 29 апреля самолеты «Веллингтон» атаковали аэродром Эль-Ауна в Тунисе. Вечером бомбардировщики и истребители союзников продолжали наносить удары по торговым судам противника в тунисском заливе и сицилийском проливе. Потоплено два судна противника и зарегистрированы прямые попадания в другие суда. Во время этих атак самолеты союзников завязали бой с соединением вражеских истребителей и сбили 14 самолетов. Истребители войсковой авиации атаковали наземные позиции и скопления войск противника в зоне боев. В ночь на 28 апреля сбито два самолета противника. Из всех этих операций на свои базы не вернулось 10 самолетов союзников.

Легкие морские суда, действующие в Сицилийском проливе, навязали бой флотилии вражеских судов. Одно вражеское судно было потоплено и затонуло. Два других судна повреждены артиллерийским огнем и, по всей вероятности, тоже затонули.

АЛЖИР, 27 апреля. (Спецкорр. ТАСС). Стали известны подробности наступательных операций 8-й английской армии в районе Энфидавиль, начавших 20 апреля. В ночь на 20 апреля английская 8-я армия после сильной артиллерийской подготовки атаковала неприятельские позиции вдоль Вади Рул. Правовлажные соединения английских сил, наступая вдоль берега по низменной местности, в намеченный к исходу 20 апреля продвинулись на 5 миль в глубь обороны противника. За ночь противник усилил свои позиции и начал контратаки против правовлажных частей 8-й армии. Хотя эти контратаки успеха не имели, но они задержали дальнейшее продвижение союзников на север. В течение 21 и 22 апреля бой здесь продолжался на прежних рубежах, и все попытки противника отбросить вытесненные вперед правовлажные соединения 8-й

армии оказались безуспешными. Противник нес потери в людях и технике, но продолжал контратаки, так как дальнейшее продвижение союзников вдоль побережья ставило под угрозу окружения войска держав оси, расположенные южнее Пон-дю-Фаса. Левоблажные части 8-й армии встретились с большими трудностями. Оборонительные позиции противника находились в гористом районе. Узлы его сопротивления располагались на высотах, а промежутки между ними минировались и брались под перекрестный огонь. Главными объектами атак левоблажных частей 8-й армии служили высота с деревней Такруна и высота Джебел-Гарси с несколькими другими, примыкающими к ней, высотами. Такруна расположена на обрывистой и скалистой вершине, причем высота обрыва достигает 6 футов и больше. За исключением нескольких тропинок, на вершину высоты нет других подступов. Такруна контролирует дорогу на Джебел-Захуан и на Пон-дю-Фас и господствует над местностью, расположенной к югу, к юго-востоку и к северу от нее. К вечеру 20 апреля половина Такруны и южные скаты Джебел-Гарси находились в руках союзников. В ночь на 21 апреля противник по вереницам дестинам подбросил к Такруне подкрепления и перешел в контратаку. Завязалась ожесточенная рукопашная борьба. Все усилия немцев вернуть высоту потерпели неудачу, и к исходу 22 апреля 8-я армия противника удерживала половину Такруны. Аналогичная обстановка сложилась и в районе Джебел-Гарси, где к исходу 22 апреля союзники удерживали южные скаты этой высоты. На фронте 8-й армии противник контратаковал только силами пехоты, танки не принимали участия в контратаках. Было замечено, что около 40 танков неприятеля находились в резерве в районе примерно в 10-15 милях к северо-западу от Такруны. За три дня боев 8-я армия захватила около 700 пленников, в том числе около 300 немцев. В течение 23 и 24 апреля особых изменений на линии фронта не произошло; бой продолжался на прежних рубежах.

ЛОНДОН, 30 апреля. (ТАСС). В коммюнике штаба французских сил в Северной Африке сообщается, что французские войска, несмотря на сильное сопротивление немецкой пехоты и танков, продвинулись вперед в береговом районе и заняли Джебел-Эстена. Французы нанесли противнику тяжелые потери и взяли много пленников. В секторе Пон-дю-Фаса французские войска закрепились на достигнутых рубежах. Контратака противника у Пон-дю-Фаса была отбита огнем французской артиллерии. Восточные французские части, взаимодействуя с левым флангом английской 8-й армии, снова продвинулись и заняли Джебел-Гамр и Джебел-Гельфа, в 9 милях к северо-западу от Джебел-Эстены.

МАССОВЫЕ ПЕРЕЛЕТЫ АМЕРИКАНСКИХ САМОЛЕТОВ ЧЕРЕЗ АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

НЬЮ-ЙОРК, 30 апреля. (ТАСС). Представитель военного министерства США сообщил, что в настоящее время совершаются массовые перелеты бомбардировщиков «Летающая крепость» в сопровождении двухмоторных истребителей «Лайтнинг» и транспортных самолетов через Атлантический океан в Северную Африку и на другие театры военных действий. В первом массовом перелете, происшедшем по секретному маршруту, участвовало несколько сот самолетов, причем только один погиб в море и шесть получили повреждения при посадке.

Большое число истребителей направляется в Африку из Калифорнии через Англию, покрывая в общем около 13 тысяч километров, или же по более длинному пути через южную часть Атлантического океана. Для дальних перелетов самолеты оборудуются специальными кислородными приборами и снабжаются дополнительными баками с горючим.

МИТИНГ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ

2 мая в Москве, в Колонном зале Дома Союзов состоится митинг советской молодежи. Начало в 16 часов. Митинг транслируется по радио.

Война на Тихом океане

ЛОНДОН, 30 апреля. (ТАСС). В коммюнике штаба объединенного командования союзников в юго-западной части Тихого океана сообщается, что тяжелые бомбардировщики союзников атаковали гидроавиационную японскую базу в Халонге (остров Амбоина). Возникли пожары в ангарах и в казармах. 15 японских истребителей безуспешно пытались перехватить самолеты союзников. Два японских истребителя, по всей вероятности, сбиты, третий истребитель поврежден. Все самолеты союзников вернулись на свои базы.

Средние бомбардировщики атаковали японские военные объекты в Купанге (остров Тимор). Бомбы были сброшены также на японские военные объекты на островах Кан. Бомбардировка вызвала многочисленные пожары. Подверглись бомбардировке японские военные объекты в Сайдоре, в районе бухты Финша и в Маданге (Новая Гвинея).

По данным китайского командования, в которой половине апреля военные действия на фронтах Китая значительно активизировались. Военные операции ведутся в 10 провинциях. Наиболее ожесточенные бои развернулись в горном районе Тайвань-шань на стыке границ Шаньси и Хенань. Здесь японские войска численностью до 40 тысяч человек при поддержке крупных сил авиации развернули наступление, стремясь окружить китайские войска в районе Линьсянь-Линчуань. Под давлени-

ем японцев китайцы несколько отступили. 23 апреля после упорных уличных боев китайцы эвакуировали город Ливисен. В ряде мест китайцы успешно переходят в контратаки. Восточнее Линчуаня японский отряд окружен китайскими войсками. Бой в Тайваньшанском районе продолжается. В провинции Суйюань японцы начали наступление к востоку от Баотоу. В центральной части провинции Чжэньцзян китайские войска атаковали японцев юго-западнее Цзиньхуа. Японские войска под давлением китайцев отступили. (ТАСС).

НЬЮ-ЙОРК, 30 апреля. (ТАСС). В коммюнике морского министерства США сообщается, что американские бомбардировщики атаковали японскую авиационную базу в Тарава (остров Гильберта). Бомбардировка причинила крупные повреждения японским военным объектам. Американские самолеты сбросили бомбы в районе Кахили (остров Шортленд).

НЬЮ-ЙОРК, 30 апреля. (ТАСС). В коммюнике штаба военно-воздушных сил США в Индии и Китае говорится, что американские бомбардировщики атаковали объекты, пристань и суда в районе Катта (Бирма). Отмечены попадания в одно судно, пристань и в товарные склады. Американские бомбардировщики сбросили бомбы на японские военные объекты в районе Талди (Бирма). В воздушном бою, по всей вероятности, сбит один японский истребитель.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В КИТАЕ

По данным китайского командования, в которой половине апреля военные действия на фронтах Китая значительно активизировались. Военные операции ведутся в 10 провинциях. Наиболее ожесточенные бои развернулись в горном районе Тайвань-шань на стыке границ Шаньси и Хенань. Здесь японские войска численностью до 40 тысяч человек при поддержке крупных сил авиации развернули наступление, стремясь окружить китайские войска в районе Линьсянь-Линчуань. Под давлени-

ЗАЯВЛЕНИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ПАТРИОТОВ АЛЖИРА И ОРНА

ЛОНДОН, 30 апреля. (ТАСС). По сведениям, полученным в кругах Сражающейся Франции, объединение профсоюзных рабочих алжирского департамента (область) отправил делегату всеобщей конфедерации труда при национальном комитете Сражающейся Франции телеграмму, в которой приветствует установление контакта между рабочими Алжира и рабочими Франции. Французские рабочие, говорится в телеграмме, не склонились перед оккупантами и их «завладеванием» Виши. В противовес профсоюзным лидерам, сотрудничающим с Лавалем и Гитлером, рядовые члены профсоюзов Франции независимо от их политических убеждений участвуют в борьбе, которую ведут французские патриоты против оккупантов.

СОБЛЕЗНОВАНИЕ КИТАЙСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ ИСКУССТВА ПО ПОВОДУ СМЕРТИ В. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО

ЧУНЦИН, 30 апреля. (ТАСС). Сынше известных писателей, артистов, драматургов, режиссеров и других деятелей искусства и культуры Китая направили Московскому Художественному театру и ВОКСУ (Всеобщему Обществу Культурной Связи с заграницей), в связи со смертью В. И. Немировича-Данченко следующую телеграмму: «С глубокой скорбью мы узнали о смерти деятеля искусства с мировым именем, Народного Артиста СССР

Владимира Ивановича Немировича-Данченко. Мы все, работники киноматериала, театра, выражаем искреннее чувство глубокой скорби и соболезнования театральным кругам, а также всему советскому народу и семье покойного.

Телеграмму подписали деятели культуры и искусства Китая: Го Мо-жо, Лао Ше, Тянь-Хань, Сун Фо-ши, Цаю Ю и другие.

ВОЕННЫЕ МАНЕВРЫ НА КИПРЕ

ЛОНДОН, 30 апреля. (ТАСС). Агентство Рейтер передает, что на острове Кипр в последние две недели происходили большие маневры гарнизона. В маневрах принимали участие также морской флот и авиация. Гарнизон острова состоит из английских, индийских частей и частей, сформированных из местных жителей.

Благодаримыми предложениям поспешно уберегивать во-воисы. Мало кому хочется раздвинуть судьбу румяных кавалеристов в Сталинграде. Гитлер прятал на минуту злит и показывает притвор. Конечно, это заманчиво притвор — меда у Гитлера нет. Зато фюрер способен извлекать из себя медоточивые речи. Он больше не останавливается на «жизненном пространстве». Он даже забыл о поточных трудах Жульена Розенберга. Гитлер теперь говорит о «равноценности наций», об «единстве Европы». Он прикидывается другим и зачитывает аполлонов Прозерпина. Тюрма переименована в крепость. Немцы доты на берегах португальской Франции называются «европейским валом». Волк «защищает» овчарню. Хорек ругает за неприкосновенность курятника. Люди, убившие писателя Вангучу, уничтожили память Микеланджело, разорвали Сорбонну, прикидываются христианами европейской культуры.

Оплато Европа слишком стара, чтоб ее можно было заговорить, как деревенскую дурочку. Когда Гитлер до Сталинграда рычал, многие его путались. Когда Гитлер после Сталинграда стал ссызывать, все над ним смеются. Кто поверит в «равноценность наций» Гитлера? Тысячу дней и тысячу ночей немцы грабили, оскорбляли, унижали Европу. О каком «единстве» может говорить палач? Об единстве веревки и повешенного? Об единстве Штотль-нагеля и вдов заложников? Да и трудно немцам переименовать хотя бы на час, хотя бы по приказу фюрера. Фрицы остаются фрицами. Недавно англичане взяли в плен итальянского генерала Маннерни, который заявил, что ему — пришлось сдаться, так как немцы, удрав, отказались предоставить итальянскому генералу место в машине. Такова практика «равноценности наций».

Прозерпина не согласилась признаться в тюремных спутностях. Если есть в Европе люди, которые верят или делают вид, что верят речам Гитлера, мы вправе к ним относиться не как к обманутым, но как к обманщикам: это всё те же «буржуазные

и «старости». Пущенное мясо Гитлеру пришлось набирать силой. Он, например, мобилизовал эльзасцев и лотарингцев — может быть самых самоотверженных сынов Франции. Он заменил старых немецких рабочих украинскими, французскими, норвежскими рабами. Он наскреб новые дивизии. После похода за пущенным мясом он мечтает о новом походе — пущенного мяса.

Грость немецкого контрнаступления в марте, ожесточенность, с которой Роммель защищает последний отрывок Африки, показывая, что силы Гитлера далеко не исчерпаны. Беззащитность не способна остановить немцев ни в чем. Нам предстоит суровые битвы. Большие рты дела предстоит и нашим союзникам. Прозерпина знает, что еще не одна рана будет нанесена ей владкой Аида. Для нее еще не пришла весна и трагические звуки трубы пещ в Вуэномском лесу Парижа, трагические выкрики цветы на пенсилье Лидия.

Эта весна, столь ранняя, столь ясная, нам не в весну, май нам не в май: мы чувствуем всю полноту человеческого горя, приносимого на нашу голову немцами. Думаю о близких, о доме, мы смотрим на запад: путь к родному гнезду для сибиряка или для волжанина идет через Смоленск, через Новгород, через Киев. Глядя на хлеба, которые ведают, мы думаем, кто будет убирать? Мы или немцы? Кто будет есть хлеб Украины? Наши жены или ненастные немцы? Кто будет жить: Прозерпина или ее мерзкий похититель?

Настает день, когда Прозерпина подымется на землю из параста ночи. Богиня весны, она выйдет не с цветами, но с вянущими: она тоже сражается — ночью на темных улицах европейских городов, в лесах, в горах, на заводах. Прозерпина никто не выпустит добровольно. Ее освободят солдаты Красной Армии, солдаты коалиции. Она сама себя освободит — не мальбой, но молчаньем — оружием.

Ответственный редактор Д. ВАДИМОВ.

ЕДИНСТВО, СКРЕПЛЕННОЕ КРОВЬЮ

Мощные удары, нанесенные врагу героической Красной Армией, и главным образом ее историческая победа под Сталинградом, не только принесли немецко-фашистским армиям непоправимые потери в людях и материалах. Что еще важнее, — эти удары подорвали моральное состояние германской армии и германского тыла. Значительная территория, захваченная немцами с таким трудом и с огромными потерями, была очищена от оккупантов в течение зимней кампании.

Разгром немцев под Сталинградом, отступление с Кавказа и с Дона пробудили немецкого солдата от иллюзий непобедимости, вызвали у немцев страх перед приближающимся роковым концом войны. Сегодня уже многие германские солдаты потеряли веру в победу, причем среди таких немцев и офицеры.

Сталинград был роковым для немцев. Лишь позже, да и то с большими трудностями, удалось германскому верховному командованию собрать сильную группировку и этим предотвратить полную катастрофу. Но это было оборонительное контрнаступление с целью остановить продвижение Красной Армии, угрожающей уничтожить всю южную группировку немцев в Донбассе и на Украине.

Сражаясь на советско-германском фронте, наша чехословацкая часть символизирует единство славянских народов против гитлеризма, который всегда был агрессивным и империалистическим. Это единство вызвано не только общей опасностью и общими интересами в войне. Оно является естественным проявлением кровной связи и родства славянских народов, их славянской миролюбивости, общности характера, общности мышления, кровных связей.

Ярким выражением славянской солидарности может служить бой против немцев рыцарей в историческом прошлом, когда сильная чехословацкая часть известного полководца Яна Жижки принимала участие в бою под Грюнвальдом в 1410 году. Известно, что в рядах этих воинов были также русские.

ЗАБОТА О СЕМЬЯХ ФРОНТОВИКОВ

Месет назад при Финансовом управлении Народного Комиссариата обороны была открыта приемная по делам денежного обеспечения семей начальствующего состава. Вход в приемную свободный, без пропусков. Принимают посетителя начальники отделов Финансового управления, что дает возможность быстро разрешить все вопросы, связанные с денежными аттестатами. Это особенно удобно военнослужащим и членам их семей, проживающим через Москву, которые располагают ограниченным временем. Жене командира Никифорова, переведенной на работу в другой город, не выплатили денег по аттестату за несколько месяцев. Выяснение этого вопроса вызвало пе-

реписку между учреждениями двух городов и затянулось. Но вот Никифорова пришла в приемную Финансового управления. Здесь внимательно разобрались в ее деле, и уже через час она направилась в кассу за получением причитающихся денег.

Многим военнослужащим оказана помощь в розыске их эвакуированных семей. Финансовое управление располагает точными адресами сотен тысяч семей командиров. Старший техник-лейтенант А. Голд, младший лейтенант И. Шаховский и десятки других, зайдя в приемную, сумели точно выяснить местожительство своих семей. Обсудив обращения посетителей в Финансовом управлении заслуживает внимания.

Илья ЭРЕНБУРГ

Возвращение Прозерпины

Есть в самой сущности весны нечто бесконечно близкое нам, вымученно остро чувству, тому делу, за которое мы боремся и умираем. Я не говорю о первом глубоком волнении при виде травы на поле, изрытом снарядами, или птиц, прилетающих в лес, разорванный минами. Есть замечательные строки у Тютчева:

Каким бы строгим испытаньям
Вы ни были подвержены,
Что устоит перед дыханьем
И первой встречей весны!

Но, надумываясь в природу этого волнения, видишь, что нас потрясает торжество жизни, преодолевшей холод, плен, лед. Человечество изавна связывало приход весны с прекрасными мифами о возвращении жизни. Золото до того, как в рыхлых катках первые христиане ранней весной несли друг другу о воскресении из мертвых, в Греции люди праздновали возвращение юной и прекрасной Прозерпины. Согласно мифу, Прозерпину похитил владыка подземного царства Аида, господин преисподней Плутон. Но весной плакавшая, бледная Прозерпина подымалась из тьмы, из холода, из небытия. Ее не могли удержать все стражи ада. Она подымалась, как трава, как жизнь.

Я думаю о Прозерпине, глядя на карту Европы: ее похитил маленький человечек, с лицом приказчика и с сердцем хорька, честолюбив, ставший обер-губернщиком мира. Глядя на печальную Вязьму, разгорающуюся с грустными тенями Бурса, можно понять, в какое поземное царство заключена Прозерпина-Европа.

На острове Вальхерен день и ночь рыбаки укрепляли плотины, отставшая от моря. Голландия была страной, отволакивающей у стихии: море увело в каналы, и весной на полях прели пестрые топиляны. Маяковский в своих путевых записках отметил трудолюбие Франции. Ее лозы казались мудрыми академиками. Возле Тромзе в короткое летнее лето на крохотном кусочке земли, среди скал, сторож маяка заботливо выращивал цветы юга. Датчане в особые книжки записали не только вес, но и настроение каждой коровы. Гончар Андлузи превращал ком глины в античную вазу, а словачки крестьянки вышивали, как сказочные феи. На огромных заводах изготовлялись часы, которые не должны были отставать в год больше, чем на три секунды. Ученые страстно разгадывали атом. Прозерпина была краснойщек и своенравной. Она не знала, что дурной живописец мечтает о «новом порядке». Она не знала, что плут Розенберг уже готовит трагикомедию о «мистике крови». Она слышала, как чванливые и жадные бюргеры Германии твердили о «жизненном пространстве», но она не хотела понять, что «жизненное пространство» это — она, Прозерпина, Европа.

Нет описания ада, которое могло бы сравниться с жизнью похитенной немцами Европы. Герцины Данте кажутся иллюзией. Разрушены города, вытоптаны виноградники, сожжены книги, разорваны и зарезаны девушки, миллионы заложены в годом. Мы припадаем к немцам как к мертвецам. Не желая цифрами, статистикой передать глубину человеческого страдания. Мы говорим или читаем «тысячи», «миллионы», и мы не можем себе представить, что каждый из этих замученных немцами миллионов был ребенком, с которым нянчилась мать, что он рос, играл, влюблялся, шептал нежные слова, работал, мечтал о счастье. «Зона пустыни» — так

немцы называют уничтоженную ими Смоленщину. Но зона пустыни куда больше: это вся захваченная немцами Европа. Зона пустыни охватывает не только территорию — сердца: люди опустошены годами рабства, они растеряли память, нормы морали, человеческие чувства. Бедная Прозерпина, дитя Элизы, парижская незнакомка, она теперь стирает белое господина фельдфебеля.

В ожидании весны есть неизбежная ласковость: человек еще не придул, как вмешиваться в смену времен года. Но вот уже тысячу дней и тысячу ночей, как пленная Прозерпина — Европа пытается вырваться из мира тьмы. Никогда борьба не была такой напряженной, как в эти предвесенние дни. Из Белоруссии ветер занес искры в Савойю. Отчаянно дерутся партизаны Югославии. Каждый день то в Голландии, то в Чехии, то в Греции, то в Польше мужественные люди убивают тиранов. Немцев еще много, их слишком много — от Атлантики до Кубани, от Песажо до Бизерты. Но с каким вдохновенным встречает Европа смерть каждого из них, даже самого маленького, ничтожного фрица, заблудившегося среди гор Энри или утонувшего в украинской хате. Европа хочет жить, а путь к жизни идет по немецким трушам. Прежде Европа открывала звенящие туманности, писала оковы, вырабатывая орден. Теперь Европа воодушевлена одним: умерщвлением немцев. Разные подвиды сурового русского солдата, в разведке убитого врага, и маленький мастерцы из Стрелбурга, казенный немцами за то, что она кухонным ножом почью зарезала, как борзую, непременного поклонника в чине фельдфебеля.

Первое Май — праздник братства. Горькими кажутся эти слова, когда видишь мир, по воле отвратительного маньяка заплывший кровью, когда слово «уничтожены» или «истреблены» ласкает слух каждого честного человека, как прекраснейшее из всех слов. Все же мы можем сказать, что братство народов живо, оно стало горше, горше и глубже: в нем теперь такая общность судьбы, такая связанность чувств,

что без переводчика понимают друг друга летчики француз и эскадрилья «Нормандия» и водитель-украинец. Народы объединились в неведомости к Германии, в привязанности к родному клочку земли и к общей родине, Европе. Корни этого братства уходят глубоко в ночь, в преисподнюю, где томится Прозерпина. Общее горе всегда объединяет. Для солдата, сражающегося в суровой Карелии, понятна жизнь французца или англичанина, который идет на плуг Туниса. Мы всегда не только любим, но и почитали древнюю Прагу. Кровь чехов, пролившаяся на украинской земле, ее сильная скрепила наше братство. Сегодня с особенной гордостью мы говорим о мужестве польских партизан, которые отстаивают свою родину от захватчиков.

Прозерпина чувствует, что ее похититель теряет голову. Неродостой кажется эта весна Германии. О, конечно, у Гитлера еще и огромный территория, и снаряжение, и сильная армия. У него больше нет одного: перспектив. Он еще может наступать, но теперь даже самые доверчивые немцы пугаются: что им даст такое наступление кроме крестов — сначала железных, а потом деревянных?

Долго немцы думали, что война — это нечто экспортное, что воюют они, немцы, но воюют далеко от родных мест. Четверектонные бомбы крошат немецкие города. Немцы теперь увидели воююще, что война летает. Африканский вариант войны близится к концу. Юг Европы исполнился. Вполне возможно, что немцам вскоре предстоит еще одно открытие: война не только летает, она и плавает. Она даже ходит пешком, и вперед тот неизбежный день, когда война, рожденная Германией, придет к своей матери — на немецкие поля.

Вероятно будущий историк разделит историю гитлеровской военной Германии на два периода: до и после Сталинграда. Конечной армии азиатский даже бесноватого фюрера призадуматься. Можно вообразить без плевков, нельзя вообразить людей. После Сталинграда германская армия перестала. Лакей Гитлера под благодетельными не-